

Г. С. Прыгин <https://orcid.org/0000-0001-6525-0068>

Феномены жизни и смерти как методологическая проблема психологии

В статье рассматривается вопрос, можно ли в научном плане выдвигать и обсуждать гипотезы о существовании человека после его физической смерти. Показано, что если рассматривать смерть как переход к иным формам существования, то жизнь человека приобретает глубокий непреходящий смысл, и в этом случае смысл жизни и духовность проявляются как понятия одного порядка. Научные исследования в области танатологии имеют важное значение не только лично для человека, но и для всех социальных сфер; особую ценность они представляют для понимания подлинной духовности личности и связаны с нравственным здоровьем общества.

Установлено, что в современной науке о феномене жизни известно немногим больше, чем о феномене смерти, поэтому проблема возникновения жизни становится частью танатологии – науки о смерти, что подчеркивает необходимость кардинальной смены методологического аппарата психологии. В связи с этим анализируется трактовка понятия «реальность» в современной науке. Выявлено, что феномен «реальности» разные физические концепции понимают по-разному, поэтому анализ проблемы «жизни после смерти» ведется на основе авторской концепции реальности, в которой выделяется три ее вида: «Предельная реальность», «Субъективная реальность» и «Объективная действительность». Вводится новое понимание «я» как структурной части самосознания личности, как связующего звена между подлинным самосознанием субъекта и его личностью; через «я» часть субъективной реальности, трансцендируя, объективируется в личности. Подчеркивается, что «я» как часть «субъекта как носителя реальности» имеет вневременной характер и, следовательно, существовало не только до появления личности, но и будет существовать после физической смерти человека, сливаясь с его самосознанием, в то время как сама личность, порожденная социумом, подвержена смерти. На основе философской концепции А. Шопенгауэра выдвигается гипотеза об активности «коллективного бессознательного».

В заключение делается вывод о том, что вся проблема «жизни после смерти» сводится к одной проблеме – проблеме времени. От того, как мы будем трактовать понятие «времени», будет зависеть решение проблемы «жизни после смерти».

Ключевые слова: танатология, смысл жизни, духовность, концепции реальности, самосознание, я, личность, коллективное бессознательное.

G. S. Prygin

Phenomena of life and death as methodological problem in psychology

The question is being discussed whether it is scientifically possible to put forward and discuss hypotheses about the existence of a person after his physical death. It is shown that if we consider death as a transition to other forms of existence, then human life acquires a deep, enduring meaning, and in this case, the meaning of life and spirituality appear as concepts of the same order. Scientific research in the field of thanatology is important not only for a person personally, but for all social spheres; they are of particular value for understanding the true spirituality of the person and are associated with the moral health of society.

It has been established that in modern science is known little about the phenomenon of life than about the phenomenon of death, so the problem of the emergence of life becomes part of thanatology – the science of death, which emphasizes the need for a radical change in the methodological apparatus of psychology. In this regard, the interpretation of the concept «reality» in modern science is analyzed. It has been revealed that the phenomenon of «reality» is understood differently by different physical concepts, therefore, the analysis of the problem of «life after death» is carried out on the basis of the author's concept of reality, in which there are three types: «Ultimate reality», «Subjective reality» and «Objective actuality». A new understanding of the «Self» is introduced as a structural part of the personality's self-awareness, as a connecting link between the subject's true self-consciousness and his personality; through the «Self» part of subjective reality (transcending) is objectified in the personality. It is emphasized that the

«Self», as part of the «subject as a carrier of reality», has a timeless character and, therefore, existed not only before the appearance of the individual, but will exist after the physical death of a person, merging with his self-identity, while the personality itself generated by society is subject to death. Based on the philosophical concept of A. Schopenhauer, a hypothesis is put forward about the activity of the «collective unconscious».

In conclusion, it is concluded that the whole problem of «life after death» is reduced to one problem – the problem of time. The solution to the problem of «life after death» depends on the way we interpret the concept «time».

Keywords: thanatology, the meaning of life, spirituality, concepts of reality, self-consciousness, self, personality, collective unconscious.

«...Безумная надежда, наперекор судьбе, делает невозможное возможным, а иррациональное – разумным: в несбыточно безумной мечте больше смысла, нежели в абсурдной истине!»

В. Янкелевич

В статье, претендующей на научность, затрагиваемая мною тема может вызвать много критики и упреков. Однако не следует спешить с критикой, я вовсе не собираюсь описывать «потустороннюю реальность», благо таких описаний великое множество, особенно в жанрах публицистики (например, Э. Кюблер-Росс [8], Р. Моуди [10], М. Ньютон [12]), теософии, не говоря уже о многочисленной религиозной литературе, где описание «потусторонней жизни» занимает одно из центральных мест. Как отмечал Г. Фейфел, «даже после тщательного изучения существующей психологической и околопсихологической литературы, как серьезной, так и не очень, любой человек обнаружит, насколько слабо и пренебрежительно систематизированы знания об отношении к смерти» [17, с. 49]. Очевидно, эта позиция Г. Фейфела связана еще и с тем, что если мы хотим систематизировать знания о смерти и возвести их в ранг научной дисциплины, то они не должны представлять собой беспорядочное собрание (конгломерат) различного рода публикаций от эзотериков, теософии, беллетристики и публицистики до серьезных научных исследований и философских работ.

Здесь я хочу обратиться к не очень популярной (особенно в психологии) науке танатологии («науке о смерти»), существующей, по большей части, как область судебно-медицинской науки. С философской позиции наиболее выразительную дефиницию феномену смерти дал В. Янкелевич, который писал, что «смерть – точка касания метаэмпирической тайны и естественного феномена; феномен летального исхода относится к компетенции науки, а сверхъестественная тайна смерти апеллирует к религии» [27, с. 13]. В рамках этой статьи и будет рассматриваться как раз второй аспект смерти – ее «сверхъестественная

тайна», поскольку именно она представляет для человека наибольшую проблему, кстати, замечу и надеюсь показать, что апеллирует она не только к религии. Более того, я полагаю, что именно этот аспект танатологии как науки должен дать ответ на вопросы о том, можно ли *в научном плане* выдвигать и обсуждать гипотезы о существовании человека после его физической смерти, и если да, то какая часть психического обладает такой способностью? Если такое существование потенциально допустимо, то возникает и вторая «вечная» проблема – возможен ли феномен «реинкарнации»?

Итак, прежде чем обсуждать проблему «жизни после смерти», необходимо ответить на вопрос о том, можно ли вообще обсуждать ее *в научном ключе*. Рассмотрим мнения некоторых ученых по этому поводу. К. Юнг, в частности, отмечал, что никогда не писал о жизни после смерти ввиду невозможности документально подкрепить свои взгляды, однако в работе «Дух и жизнь» (которая, кстати говоря, была написана им в последние годы жизни) он прямо обсуждает эту проблему. Стремясь как бы оправдать себя, он пишет: «...чтобы свободно говорить о смерти, нужно находиться достаточно близко к ней. Нельзя сказать, что я желаю или не желаю жизни после смерти, и мне бы не хотелось культивировать идеи подобного рода. Но верность истине вынуждает меня признаться, что помимо моего желания и осознанных действий мысли об этом постоянно присутствуют во мне. Я не могу сказать, истинны они или ложны; но я знаю, что они есть и могут найти свое выражение, если только я, следуя тем или иным предубеждениям, не стану их подавлять» [26, с. 307].

Возникает вопрос: что же заставляет ученых, подобных К. Юнгу (и не только ученых, но и практически всех людей), вновь и вновь обращаться к проблеме смерти (или, точнее, бессмертия)? Как писал К. Юнг, «...в большинстве случаев вопрос о бессмертии кажется столь настоящим, непосредственным и к тому же неиско-

ренимым, что мы должны хотя бы попытаться сформировать по этому вопросу какое-либо мнение. Но как это сделать? Моя *гипотеза состоит в том, что мы можем достичь этого с помощью намеков, посылаемых нам со стороны бессознательно* (здесь и далее выделено мною. – Г. П.) – например, в сновидениях. Обычно мы гоним от себя намеки подобного рода, поскольку убеждены, что данный вопрос не может иметь ответа. В порядке возражения на этот понятный скептицизм я могу сказать следующее. Если непознаваемое существует, оно не может представлять для нас интеллектуальную проблему. Например, я не знаю, по какой причине возникла Вселенная, и я никогда этого не узнаю. Посему этот вопрос как научная или интеллектуальная проблема должен утратить для меня всякий интерес. Но если сновидения или мифы внушают какие-то мысли, связанные с этим, мне следует обратить на них должное внимание. *Мне даже имеет смысл построить на основании такого рода намеков целую концепцию – даже если она так и останется недоказуемой гипотезой* [26, с. 309].

Из приведенных высказываний следует, что, по крайней мере, К. Юнг вполне допускал возможность не только обсуждать в научном плане проблему жизни после смерти, но и выдвигать в отношении нее гипотезы. С. Гроф по этому поводу пишет: «Изучение сознания, которое способно простираться за пределы человеческого тела, ... исключительно важно для постижения вопроса о существовании после смерти, так как, скорее всего, именно эта часть человеческой личности может продолжить свое существование за порогом смерти» [5, с. 224]. Конечно, присоединяясь к высказыванию С. Грофа, я в данном случае под термином «сознание» понимаю самосознание так, как оно представлено в концепции субъективной реальности [14].

Если напомнить, что эта концепция (см. ниже) хорошо интерпретируется с теоретических позиций квантовой физики, то весьма интересными являются высказывания на этот счет физиков. Например, А. Госвами пишет: «Имеет ли смысл что-либо из этого обсуждения со строгой научной точки зрения нашего века? Несколько десятилетий назад ответом обязательно было бы громкое “нет!”, но времена изменились. Главная причина заключается в наличии надежных данных (из квантовой физики. – Г. П.)» [3, с. 19]. И далее «Существует «душа», которая переживает смерть физического тела, и она действительно

перерождается в другом теле, образуя непрерывность. Да, подобный разговор о душе имеет смысл в науке, основывающейся на сознании (на примате сознания. – Г. П.)...» [3, с. 23].

Поскольку танатология как наука затрагивает чрезвычайно сложные проблемы, то при ее разработке можно воспользоваться советом, который дает А. Госвами, в частности он пишет: «...обязаны ли мы в построении науки зависеть от строгой эмпирики? Ясно, что любые наши выводы в отношении жизни после смерти и перевоплощения должны будут по большей части зависеть от теории, интуиции или опытных прозрений, от наших творческих способностей; *помощь со стороны эмпирических данных будет в лучшем случае вторичной* (здесь и далее выделено мною. – Г. П.). *Но это все равно будет наука*, если мы сможем экспериментально проверять некоторые из ее важных гипотез и если она будет полезной, если ее можно будет использовать для планирования процедуры открытия природы смерти и того, что происходит при смерти» [3, с. 29].

Можно было бы найти еще немало подобных высказываний известных ученых (в том числе и цитируемого здесь В. Янкелевича) из разных областей науки, но мне представляется, что и этого вполне достаточно, чтобы признать хотя бы возможность научного обсуждения существования «жизни после смерти».

Опираясь на упомянутую выше энциклопедическую работу В. Янкелевича [27], можно в наиболее общем виде констатировать, что танатология включает в себя исследование трех фундаментальных аспектов этого феномена: исследование феномена смерти до смерти («смерть по эту сторону смерти»); исследование смерти непосредственно в процессе умирания и исследование смерти «после смерти» («смерть по ту сторону смерти»). Если изучение первых двух аспектов в целом благосклонно принимается научной общественностью и не вызывает особой полемики, то попытки исследовать третье наталкиваются в лучшем случае на непонимание, а в худшем – на его полное неприятие. Тем не менее здесь я хочу обратить внимание именно на этот третий аспект проблемы, более того, теоретический анализ возможности или невозможности существования человека после смерти и является, собственно говоря, основной целью этой работы.

Однако прежде чем перейти к содержательному анализу этой проблемы, следует высказать

ряд соображений, которые будут положены в основу дальнейших рассуждений:

– Во-первых, следует отметить, что мои размышления о наличии (или отсутствии) феномена существования человека после смерти будут строиться не на пустом месте, поскольку к исследованию этой проблемы на протяжении всей человеческой истории существования научной мысли обращалось большое количество выдающихся деятелей науки. Еще большее количество выдающихся мыслителей, начиная с глубокой древности, рассматривали ее с позиций теософии и мистицизма, но к ним я обращаться не планирую в силу того, что для представителей этих областей знания феномен существования человека после смерти априорен.

– Во-вторых, анализ этой проблемы требует междисциплинарного подхода с привлечением данных как минимум из трех областей научного знания: философии, физики, в частности квантовой физики, и психологии (при этом, естественно, меня как психолога будет интересовать, прежде всего, ее психологический аспект).

– В-третьих, именно междисциплинарный подход к исследованиям проблемы существования человека после смерти позволяет проводить их, используя новую научную парадигму, в частности, в понимании «реальности». Поскольку нас интересует психологический подход к анализу проблемы, в понимании реальности я буду исходить из собственной концепции реальности, основанной на философских взглядах С. Л. Франка и позволяющей учесть последние достижения физических наук [14].

К исследованию проблемы смерти обращалось большое количество выдающихся деятелей науки, к которым, в частности, можно отнести (в порядке алфавита, а не ценности работ) Н. М. Бахтина [1], Н. А. Бердяева [2], С. Грофа [5], Ф. Ницше [11], С. Л. Франка [18, 19], З. Фрейда [20], М. Хайдеггера [21], Ф. Шеллинга [23], А. Шопенгауэра [24], Э. Шредингера [25], К. Юнга [26], В. Янкелевича [27] и многих других.

Может возникнуть естественный вопрос: почему столь многих великих умов занимала проблема смерти? Полагаю, что, кроме стремления понять и раскрыть эту метаэмпирическую «сверхъестественную» тайну, необходимость обсуждения этой темы в научном плане связана также с *духовным, нравственным здоровьем (любого) сообщества*, независимо от его устройства. Хорошо известно, что во все времена проблемы

этики и морали волновали лучших представителей гуманитарных наук (философии, культурологии, психологии, истории и др.). Настоящее время не является исключением, повсеместно принято рассуждать о бездуховности общества. Об этом можно услышать по радио, увидеть материалы по телевидению, прочитать в Интернете и прочих СМИ, об этом снимаются фильмы. Это действительно так, однако следует задаться вопросом: может ли общество, основанное на атеизме, на примате материального, общество, где нет места понятию «Душа» ни в научном, ни даже в воспитательном плане, быть духовным?

Пожалуй, ответом на этот риторический вопрос может служить следующее размышление А. Бергсона: «...что произошло бы, если бы наука, вместо того, чтобы исходить из математики и ориентироваться в направлении механики, астрономии, физики и химии, вместо того, чтобы сосредоточивать все свои усилия на изучении материи, с самого начала отдалась бы познанию духа...». По его мнению, «тогда у нас была бы психология, относящаяся к теперешней психологии, как современная физика относится к физике Аристотеля» [1, с. 160-161]. На деле произошло обратное, резюмирует Н. М. Бахтин, «успех “точных наук”, купленный ценою двухтысячелетнего неуклонного самоограничения, естественно уживается у нас с *полной слепотой к явлениям психического порядка* (выделено мною. – Г. П.)» [1, с. 160-161].

Конечно, заданный выше вопрос является риторическим, с заранее известным ответом – такое общество принципиально не может быть духовно развитым. Безусловно, существующие религиозные конфессии вносят свою лепту в «одоухотворение» общества, однако этого явно недостаточно. Духовным воспитанием надо заниматься с самого раннего детства. Добавлю, с моей точки зрения, уже в детском саду ребенок должен слышать от взрослого, что у него есть бессмертная душа и это самое главное, что есть у человека (это, замечу, было бы гораздо полезнее, чем начиная с детского сада учить детей «экономической грамотности»). При этом я отнюдь не призываю всех «погрузиться» в религию; признание наличия у человека души, вера в нее очень далеко отстоит от ортодоксальной религии (вспомним, что огромное число выдающихся ученых верили и в существование души и в Бога, при этом их трудно было отнести к религиозным ортодоксам).

Если продолжить наши рассуждения о необходимости изучения феномена смерти, можно также отметить, что вера человека в то, что его душа будет существовать и после смерти, заставляет его принципиально по-новому выстраивать свою жизнь, относясь к ней более ответственно. К. Юнг по этому поводу писал, что «разум заставляет нас держаться слишком узких рамок, принимать – к тому же с ограничениями – только то, что хорошо известно, и жить в заранее обусловленных пределах, которые мы отождествляем с истинными пределами существования. Но, по существу, мы день за днем живем, пребывая далеко за рамками нашего сознания: ведь внутри нас бессознательное ведет свою, неизвестную нам жизнь. Чем более явственно доминирует критический разум, тем беднее становится жизнь (здесь и далее выделено мною. – Г. П.); с другой стороны, чем больше бессознательного содержимого – или, иначе говоря, чем больше мифа способно интегрировать наше сознание, тем большей оказывается мера целостности нашей жизни. У переоцененного разума есть общая черта с политическим абсолютизмом: и тот, и другой доводят личность до духовной нищеты» [26, с. 310].

Вряд ли кто-то будет спорить о том, что истинное значение и смысл человеческой жизни проявляются после ее окончания. Как отмечал В. Янкелевич, «...подобно тому, как в каждый отдельный момент последующее придает смысл предыдущему, можно сказать, что окончательный конец выявляет смысл всей продолжительности существования (выделено мною. – Г. П.); придавая всему завершенность, конец высвечивает значимость отдельной жизни и ее историческую роль» [27, с. 121]. И далее: «...даже самая заурядная жизнь в определенной степени остается загадкой; смысл жизни проявляется всегда слишком поздно, когда законченная наконец биография, ограниченная двумя датами, продиктованная судьбой, уже, к сожалению, становится некрологом. Только после смерти наших современников мы отдаем им должное. Почему же смысл жизни никогда не выявляется в течение этой жизни?» [27, с. 123-124].

Полагаю, что с приведенными цитатами можно согласиться только отчасти, и вот почему. Ответ на вопрос, заданный В. Янкелевичем, прямо связан с темой его книги – со смертью, с тем, как мы будем трактовать этот феномен. Если рассматривать смерть как финал человеческой жизни, ее полное окончание, в лучшем случае можно

говорить о том, что смысл жизни человека действительно смогут оценить только его потомки, хотя для самого человека он может так и остаться либо неверно определенным, либо непознанным вовсе. В худшем случае жизнь человека окажется и для общества, и для него самого бессмысленной. В связи с этим С. Л. Франк писал: «Смысл жизни – есть ли он в действительности или его нет – должен мыслиться, во всяком случае, как некое вечное начало; *все, что совершается во времени, все, что возникает и исчезает, будучи частью и отрывком жизни, как целого, тем самым никак не может обосновать ее смысла* (выделено мною. – Г. П.)» [18, с. 19]. Поэтому задача каждого человека состоит в том, чтобы «научиться отличить истинную жизнь от жизни, которая есть смерть, понять тот смысл жизни, который впервые вообще делает жизнь жизнью» [18, с. 19].

Однако если рассматривать смерть как некоторый этап и переход к иным формам существования, то жизнь человека приобретает глубокий непреходящий (вневременной) смысл, и *только в этом случае смысл жизни и духовность проявляются как понятия одного порядка* (повторюсь, при условии, что мы полагаем их *вневременными*). Конечно, и коллекционирование, например, спичечных коробков кто-то может считать смыслом своей жизни, но это будет как раз тот случай, когда человек так и не научился отличать «истинную жизнь» от «жизни, которая есть смерть».

Для человека, стремящегося к самопознанию, к духовному развитию, все то, что связано со временем, что имеет начало и конец, содержит мало смысла, поскольку «поток времени, эта пестрая, головокружительная кинематографическая смена одних картин жизни другими, это выплывание неведомо откуда и исчезновение неведомо куда, эта схваченность беспокойством и неустойчивостью непрерывного движения и делает все на свете “суетным”, бессмысленным. *Само время есть как бы выражение мировой бессмысленности* (выделено мною. – Г. П.)» [18, с. 28-29]. Практически любой человек хоть раз испытывал (переживал) состояние «душевной пустоты», когда он достигал цели, к которой страстно стремился, и чем труднее, недоступнее она была, тем большую пустоту в душе он испытывает по ее достижению. Это лишний раз подтверждает правильность мысли С. Л. Франка о том, что подавляющее большинство людей не могут «жить для жизни», они всегда, хотят они того или нет, «живут для чего-то». По этой при-

чине на протяжении всего периода жизни им приходится много раз заново искать ее смысл, который каждый раз по сути, опять оказывается просто средством достижения каких-то бытовых целей. Здесь вполне уместно вспомнить знаменитое изречение из библейской ветхозаветной книги: «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!».

Таким образом, позиция В. Янкелевича представляющая дело так, что смысл человеческой жизни познается только после смерти, – это рассуждение о смысле жизни в социальном контексте, то есть с точки зрения других людей и того, что оставил ушедший человек обществу. На мой взгляд, однако, это вторично, поскольку главный вопрос не в том, какой смысл найдет (и найдет ли вообще?) общество в той или иной частной жизни отдельной личности, а в том, чтобы человек сам открыл для себя смысл жизни, и «кводдимость смерти» (по выражению В. Янкелевича) только «подталкивала» бы его к реализации этого смысла. Важно, чтобы *сам человек нашел смысл своей жизни (в самой жизни)*, и чем раньше, тем лучше!

Поэтому научные исследования в области танатологии имеют практические последствия не только лично для самого человека, но и для всех социальных сфер – политики, экономики, образования, воспитания, морали и религии. Они важны, прежде всего, потому, что *исследования феномена смерти* (в том числе и «смерти по ту сторону смерти») *обретают особую ценность в плане понимания подлинной духовности личности*.

Практически всем, кто профессионально занимается психологией, известно имя Г. Фехнера и тот вклад, который он внес в психологию, чтобы сделать ее эмпирической наукой, тем самым приблизив ее к естественным наукам, использующим точные принципы измерений. Однако мало кому известно, что в 1835 г. он написал книгу с названием «Жизнь после смерти» – тема, немыслимо далеко отстоящая от эмпирической психологии, – где он, в частности, отмечал: «Человек живет на земле не один, но три раза: первый этап его жизни – непрерывный сон; второй – чередование сна и бодрствования; а третий – вечное бодрствование... На первом этапе своей жизни человек пребывает в темноте и в одиночестве; на втором он живет вместе со своими собратьями-людьми и, в то же время, отдельно от них, в свете, отраженном от поверхности вещей; на третьем этапе его жизнь, переплетающаяся с

... вселенским духом ..., является высшей жизнью. На первом этапе из своего зародыша развивается его *тело*, формируя органы для второго этапа; на втором этапе из своего зародыша развивается его *ум*, вырабатывая органы для третьего этапа; на третьем этапе развивается *божественный* зародыш, скрытый в каждом человеческом уме.

Акт перехода от первого этапа ко второму мы называем Рождением; переход от второго этапа к третьему мы называем Смертью. Наш путь от второго этапа к третьему не темнее, чем наш путь от первого этапа ко второму, один путь ведет нас к восприятию внешнего мира; другой ведет к восприятию внутреннего мира» [16, с. 5-6]. И далее К. Уилбер пишет: «От тела к разуму и к духу – таковы три этапа роста сознания; и лишь когда человек умирает для отдельной самости, он пробуждается ко всеобщности вселенского Духа. Вот какова была действительная философия жизни, разума, души и сознания, которую исповедовал Фехнер» [16, с. 5-6]. Полагаю, что на вопрос К. Уилбера, почему учебники по психологии не потрудились рассказать об этом, каждый может дать свой ответ.

Таким образом, необходимость изучения смерти во всех трех аспектах в принципе ясна, поскольку она связана с понятием духовности человека и поиском им смысла жизни. Отмечу, что анализ смерти непосредственно в процессе умирания представляет наибольший интерес, прежде всего, с моральной и этической точек зрения, и в целом не содержит в себе неразрешимых проблем. Можно только отметить, что социально-психологический аспект исследования процесса умирания должен быть достаточно широким и включать в себя проблемы как клинического опыта наблюдения (самонаблюдения) над агонией, так и практической геронтологии, и вопросы, связанные с эвтаназией (в связи с их культурными и теологическими особенностями восприятия).

Поэтому дальнейшие рассуждения будут касаться самого сложного, *третьего направления танатологии – исследований смерти «после смерти»* («смерти по ту сторону смерти»), а их лейтмотивом может служить афористичная цитата из работы В. Янкелевича, который писал: «Быть может, смерть – острие мира потустороннего, врезающееся клином в здешний мир?» [27, с. 13].

Изложенное выше приводит к мысли о том, что попытки анализа именно этого – третьего

направления танатологии в рамках существующей общенаучной парадигмы наталкиваются на принципиальные трудности; кроме того, при решении этой проблемы также встает вопрос и о предмете танатологии. Для того чтобы танатология как наука могла не только отвечать на вопросы, связанные с «повседневными», «обыденными» проблемами жизни и смерти человека, но и «забегая вперед», ставить и обсуждать проблемы пока неразрешимые в рамках существующей научной методологии, ей как минимум следует обрести свой предмет, свою методологию и научную парадигму, которые позволяли бы проводить научный анализ всех (рассмотренных выше) ее аспектов. Только после этого может быть проведена систематизация знаний об отношении к смерти, о которой говорил Г. Фейфел. Естественно, что здесь перечислена только малая часть требований к танатологии как науке, опущена, в частности, разработка ее особого категориального аппарата и тезауруса.

Конечно, в этой статье вряд ли удастся решить все эти проблемы, однако проведенный ранее философский и психологический анализ соответствующей литературы и полученные результаты позволяют говорить о том, что указанная выше концепция реальности [14], построенная на новой физической парадигме, вполне могла бы стать хорошей методологией для построения научной танатологии и обсуждения проблемы «смерти по ту сторону смерти» или в более распространенном виде – проблемы «жизни после смерти».

Как отмечалось выше, литература о смерти чрезвычайно обширна, затрагивает огромный круг проблем, обсуждаемых во многих областях науки (философии, медицине, биологии, психологии, культурологии, истории и др.), а также в теософии, теологии и публицистики, поэтому хочу сразу (по возможности) ограничить круг дальнейшего анализа научной литературы тремя областями: философией, психологией и квантовой физикой.

Попытаемся сначала ответить на, казалось бы, далекий от темы простой вопрос: что такое жизнь? Анализ соответствующей научной литературы показывает, что, если не считать широко известной (и очень ограниченной) дефиниции, данной Ф. Энгельсом, о том, что жизнь – это форма существования белковых тел, – не существует каких-либо общепризнанных научных определений этого феномена.

Интересную теорию жизни предлагает, например, Дэвид Дойч [6]. Согласно его точке зрения, «живая материя», материя в форме живых организмов, ... всего лишь одно из следствий жизни, которая имеет молекулярную основу. Общепризнан факт существования молекул, которые побуждают определенные среды к созданию копий этих молекул. Такие молекулы называются *репликаторами*. В более общем смысле репликатор – это любой объект, который побуждает определенные среды его копировать» [6, с. 201]. Под «определенной средой» (или «нишей») он понимает некоторый организм, их содержащий, а под репликаторами – гены этого организма. Таким образом, жизнь, в его понимании, основана на генах, при этом он подчеркивает, что, хотя гены и являются живыми молекулами, они подчиняются тем же законам физики и химии, что и не живые, кроме того, гены не обладают какими-то особыми физическими свойствами. Однако его утверждение о том, что гены подчиняются тем же законам физики и химии, противоречит высказыванию другого физика – одного из создателей квантовой механики Э. Шредингера, который писал: «...я хочу ясно показать, что все известное нам о структуре живого вещества заставляет ожидать, что *деятельность живого вещества нельзя свести к обычным законам физики* (выделено мною. – Г. П.). И не потому, что имеется какая-нибудь «новая сила» или что-либо еще, управляющее поведением отдельных атомов внутри живого организма, но потому, что его структура отличается от всего изученного нами до сих пор в физической лаборатории» [25, с. 129].

Я не буду выступать здесь в роли судьи и приводить аргументы за и против той или иной позиции, отмечу только, что понимание генов как основы жизни достаточно распространено в современной науке, и об этом можно было бы не упоминать, если бы Д. Дойч не акцентировал внимание на том, что «*гены содержат знание о своих нишах* (здесь и далее выделено мною. – Г. П.). Все, что имеет фундаментальную важность относительно явления жизни, зависит от этого свойства, а не от репликации как таковой. ... несмотря на то, что *вся известная жизнь основана на репликаторах, она строится вокруг одного явления – знания*. Мы можем дать определение адаптации непосредственно на основе знания: *сущность адаптирована к своей нише, если воплощает знание, заставляющее эту нишу сохранять существование данного знания*. Итак, ... *жизнь состоит в физической реализации зна-*

ния...» [6, с. 213]. В общем виде изложенную им идею можно сформулировать так – живая материя отличается от неживой тем, что живая материя несет в себе знание, более того, Дойч считает, что знание есть фундаментальная физическая величина.

С этим трудно не согласиться, поскольку, развивая эту мысль дальше, можно говорить о том, что знание – это информация, а информация является действительно фундаментальной физической величиной. Отсюда следует важный для нас вывод: *сущность, адаптированная к своей среде, заставляет среду сохранять существование воплощенной ею информации* (добавлю, что, с моей точки зрения, не только сохранять, но и производить новую информацию). Почему это важно? Потому, что, во-первых, такое понимание жизни хорошо описывает психические феномены (как известно, не относящиеся к материи), а во-вторых, согласно квантовой физике, квантовая реальность – это и есть информация [7].

Однако, несмотря на эту интересную (и, с моей точки зрения, перспективную) идею, Д. Дойч, описывая проявления жизни, все же так и не дает определения того, что же, собственно говоря, есть жизнь. В этом аспекте можно вспомнить еще одну современную теорию жизни, разработанную Рупертом Шелдрейком [22], который понимает феномен жизни как проявление в природе некоего «духовного, трансцендентального жизненного начала». Анализ всех концепций жизни отнюдь не является целью этой работы, поэтому основной вывод, который можно сделать, – это то, что до сих пор еще никому не удавалось дать четкую дефиницию явлению жизни (принятую хотя бы большинством заинтересованных этой проблемой ученых).

Таким образом, по сути, современной науке о феномене жизни известно немногим больше, чем о феномене смерти, и этот факт необходимо всегда иметь в виду, размышляя о проблеме «жизни после смерти», – феномен жизни не менее загадочен, чем феномен смерти! Ко взаимосвязанности этих феноменов обращались такие великие философы разных времен, как, например, А. Шопенгауэр и В. Янкелевич.

А. Шопенгауэр, в частности, писал (1818 г.), что вопрос о смерти обсуждался человечеством неизмеримо чаще, чем вопрос о состоянии человека до рождения. Однако теоретически обе проблемы взаимосвязаны, законны и в равной степени важны, поэтому, решая одну из них, мы одновременно решаем и другую [24]. И далее: «Тот

же, кто считает себя происшедшим из ничего, должен думать, что он снова обратится в ничто: ибо думать, что прошла бесконечность, в течение которой нас не было, а затем начнется другая, в течение которой мы не перестанем быть, – это чудовищная мысль. Поистине, наиболее прочным основанием для нашей неуничтожаемости служит старое положение: *из ничего не возникает ничего, и в это ничто не может ничто возвратиться* (здесь и далее выделено мною. – Г. П.). ... *Что есть рождение, то, по своему существу и смыслу, есть и смерть: это одна и та же линия, описанная в двух направлениях*» [24, с. 406-407].

Почти через 150 лет (1966 г.) ему вторит наш современник В. Янкелевич: «Рождение, как и смерть, есть одновременно и биологический феномен, и метаэмпирическая тайна; и то и другое достигает точки, где естественное и сверхъестественное совпадают» [27, с. 345]. И, продолжает он: «... в конце концов, смерть не более экстраординарна, чем рождение, доказательства которого, однако, никто не требует; но рождение не менее иррационально, чем смерть ... Это ставит нас перед двумя тайнами вместо одной, и идея уничтожения нисколько от этого не проясняется. Сверхъестественность рождения нисколько не смягчает иррациональность смерти, напротив, делает немного абсурдней» [27, с. 389-390].

Вот так, совсем неожиданно, «сверхъестественность рождения» (проблема возникновения жизни) становится частью танатологии – науки о смерти, что еще раз подчеркивает необходимость кардинальной смены ее методологического аппарата. В этом аспекте, прежде всего, следует обратиться к понятию «реальность» и выяснить, как оно трактуется в современной науке. Обзор, прежде всего, физических теории (цель которых и состоит в ее понимании и объяснении) показывает, что и здесь феномен «реальности» разные физические концепции понимают по-разному. Эти различия особенно заметны при анализе таких теорий, как «общая теория относительности», квантовая физика (физика квантовой информации), и многочисленных космологических теорий. Здесь можно встретить и понимание реальности как мультиверса, содержащего бесконечное множество вселенных [6], и понимание реальности как Универсума, представляющего собой нематериальный нелокальный квантовый источник реальности, существующий вне пространства и времени [4], и многое другое.

Дальнейшее обсуждение проблемы «жизни после смерти» я буду вести, опираясь на собственную концепцию реальности [14], однако сначала внесу ряд необходимых пояснений к понятиям, входящих в эту концепцию. Напомню коротко, что выделяется три ее вида: «Предельная реальность» или Универсум, по своей сути подобный понятию «квантовой реальности»; «Субъектная реальность» – реальность, в которой существует самосознание, самость человека, и «Объективная действительность» или наблюдаемая Вселенная, в которой, собственно, и существует человек в форме «субъекта как активного наблюдателя», как личность с частью его самосознания в виде Я (или «Эго»).

Далее сознание понимается как полевая субстанция («ткань»), заполняющая всю Предельную реальность (весь Универсум). Под самосознанием здесь понимается часть сознания, принадлежащего конкретному субъекту (человеку) и составляющая его «самость», при этом самосознание образует тот слой реальности, который называется «субъектной реальностью» (полагается, что если вести разговор о душе, то, по сути, субъектная реальность и является той формой реальности, которая принадлежит душе). Следует особо отметить, что в данной концепции реальности понятия «субъектная реальность», «самосознание» («подлинное самосознание»), «самость», «душа» являются синонимами.носителем этой реальности является конкретный человек в ипостаси «субъекта как носителя реальности», который в объективной действительности представлен своей частью (ипостасью) – «субъектом как активным наблюдателем».

Далее, в отличие от общепринятого в академической психологии, «я» понимается не как структурная часть самосознания личности, а как связующее звено (посредник, медиатор) между подлинным самосознанием субъекта и его личностью, или, говоря другими словами, через «я» часть субъектной реальности (трансцендируя) объективируется в личности. В момент рождения, благодаря эффекту «квантовой запутанности», «я» создает с социумом запутанную систему со свойствами, близкими к тому социальному окружению, где и рождается личность. Этот эффект запутанности проявляет себя в закономерности, суть которой можно коротко сформулировать так: чем более запутанной становится система «я – социум», тем менее запутанной становится изначальная система «подлинное самосознание – я», и здесь уже работает другой кванто-

вый эффект – эффект декогеренции. Именно поэтому в процессе социализации любой человек, все более «запутываясь» с обществом, все дальше отстоит от своего подлинного самосознания, и фактически просто не подозревает о его существовании (не напрасно в народе говорят, что ближе всех в Богу – ребенок!).

Исходя из этого личность определяется как способ проявления «я» субъекта в социуме или, говоря другими словами, личность представляет «я» субъекта в объективной действительности [14, с. 113].

Для нашего дальнейшего анализа важно подчеркнуть, что «я», являясь частью «субъекта как носителя реальности», имеет *вневременной* характер и, следовательно, не только существовало (в виде самосознания) *до* появления личности, но и *будет* существовать после физической смерти человека, сливаясь с его самосознанием, в то время как сама личность, порожденная социумом, безусловно, подвержена смерти. Только личность имеет и начало – момент рождения, и конец своего существования – момент смерти (замечу, что со смертью личности прекращает свое существование и та ее ипостась, которую я обозначил как «субъект как активный наблюдатель»).

Такое понимание «я» позволяет достаточно четко выделить различие между двумя понятиями, которые в академической психологии часто употребляются как синонимы. Речь идет о понятиях «я» и «эго». Учитывая описываемую здесь концепцию реальности, можно полагать, что «эго» образуется в момент рождения личности, то есть «эго» – это «запутанное с обществом» «я». Эго может существовать только в обществе и, следовательно, в момент смерти личности оно также прекращает свое существование.

Все вышесказанное приводит к одному важному выводу: вся «сверхъестественная тайна» рождения и смерти (вся проблема «жизни после смерти») сводится к одной проблеме – *проблеме времени*. От того, как мы будем трактовать понятие «времени», и будет зависеть решение проблемы «жизни после смерти». Если считать, что время – это объективно существующий феномен и все психические явления изначально зависят от него, то проблема «жизни после смерти» перестает быть проблемой, поскольку получает однозначное решение – «жизни после смерти» не существует (что, собственно говоря, и утверждают ученые всех областей наук, стоящие на принципах ортодоксального материализма). Я полагаю,

однако, если бы проблема времени решалась так просто, то в культурно-историческом процессе развития человечества по этому поводу не было бы сломано столько копий.

Например, хорошо известно [15]: даже в современной физике нет согласия в том, что представляет собой феномен времени [4, 6, 9, 13], не говоря уже о его философских интерпретациях. В частности, А. Шопенгауэр писал, что «смерть – это временный конец временного явления; поэтому, стоит только отрешиться от формы времени, и сейчас же не окажется больше никакого конца, и даже слово это потеряет всякий смысл» [24, с. 403]. И далее: «...к человеку, как явлению во времени, понятие прекращения, бесспорно, применимо, и эмпирическое знание откровенно указывает на смерть, как на конец этого временного существования. Конец личности так же реален, как реально было ее начало, и в том самом смысле, в каком нас не было до рождения, нас не будет и после смерти... (тем не менее. – Г. П.) *внутренняя сущность остается недоступной для временного конца* (выделено мною. – Г. П.) какого бы то ни было временного явления и постоянно удерживает за собою такое бытие, к которому неприменимы понятия начала, конца и продолжения» [24, с. 413]. Эта цитата прямо подтверждает нашу концепцию реальности, где уничтожению подлежит именно личность, но не самость (сущность) человека.

Следует особо отметить, что его философская концепция, выраженная в основном произведении «Мир как воля и представление» [24], является косвенным подтверждением уместности введенных понятий: «субъект как носитель реальности» и «субъект как активный наблюдатель». Ужасы смерти, отмечал А. Шопенгауэр, «главным образом зиждятся на той иллюзии, что с нею я исчезает, а мир остается. На самом же деле верно скорее противоположное: исчезает мир, а сокровенное ядро я, носитель и создатель того субъекта, в чьем представлении мир только и имеет свое существование, остается (выделено мной. – Г. П.). Вместе с мозгом погибает интеллект, а с ним и объективный мир, его простое представление (мир как представление. – Г. П.). То, что в других мозгах, как и прежде, будет жить и волноваться подобный же мир, – это для исчезающего интеллекта безразлично» [24, с. 418]. Безусловно, «сокровенное ядро я, носитель и создатель того субъекта» – это и есть «субъект как носитель реальности», в то же время, как отмечалось выше, «субъект как активный

наблюдатель» прекращает свое существование, поскольку рождается вместе с личностью.

Философская концепция А. Шопенгауэра позволяет также несколько по-иному трактовать понятие «коллективного бессознательного». Согласно этой концепции воля представляется как некоторый вечный «принцип жизни», как нечто неизменное, непреходящее и неразрушимое, «что такое это непреходящее, – этого нельзя себе ясно представить... Это скорее то, на чем зиждется самое тело вместе с сознанием... Выйти за пределы этого непосредственного проявления ее воли мы, разумеется, не можем, потому что нам не дано перешагнуть за предел сознания... дело, по видимому, обстоит так, что человеческий индивидуум погибает, а *человеческий род неизменно пребывает и живет* (здесь и далее выделено мною. – Г. П.). Но во внутреннем существе вещей, которое остается свободным от этих форм, *отпадает и все различие между индивидуумом и родом*, и оба составляют непосредственно одно. *Вся воля к жизни сполна находится в индивидууме, как она находится и в роде, и потому бессмертие рода – это только образ неразрушимости индивидуума*» [24, с. 414].

Таким образом, можно полагать, что воля, как и коллективное бессознательное, составляет суть всего человеческого рода. Более того, если воля, в интерпретации А. Шопенгауэра, – есть «порыв к существованию и проявлению», а ее природа составляет наше внутреннее существо («*воля только хочет и не познает*»), то в современной психологической интерпретации ее можно трактовать как некое аффективное, чувственное начало, как некий побудительный фактор (мотив), который, собственно, и *порождает человека именно как субъекта*. Определенное подобие понятий «коллективное бессознательное» и «воля» и понимание последней как движущей силы проявления внутренней (субъектной!) активности приводит к гипотезе о том, что эту же функцию способно выполнять и коллективное бессознательное, проявляя себя в качестве движущей силы, приводя к возникновению как отдельных «субъектных реальностей», так и мира феноменов в целом.

Из этих посылок можно сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых, можно говорить о том, что *коллективное бессознательное обладает собственной активностью*, некоторой порождающей творческой силой. Если напомнить [14], что коллективное бессознательное можно трактовать как часть Универсума

(«информационной квантовой реальности»), то этот вывод находит дополнительное подтверждение, поскольку все сущее рождается (проистекает) именно из него. Во-вторых, введение понятия «индивидуальная воля» позволяет выделить субъекта именно как *активного* наблюдателя (замечу, что воля здесь ни в коем случае не должна пониматься так, как она понимается в классической психологии – как «осознанные усилия в преодолении препятствий на пути к достижению цели»). В этом случае она трактуется, как некоторая мотивационная сила, «слепая воля к жизни», по выражению А. Шопенгауэра, объективирующаяся в субъекте как активном наблюдателе. Поэтому «субъект как активный наблюдатель» – это и есть «познающий субъект» по А. Шопенгауэру.

Может возникнуть вопрос: почему субъект как активный наблюдатель ничего не знает о существовании другой своей важнейшей части – субъекта как носителя реальности? На этот вопрос А. Шопенгауэр дает ответ, с которым трудно не согласиться: *«Природа воли, составляющей наше внутреннее существо, проста: воля только хочет и не познает. Субъект же познания – явление вторичное, проистекающее из объективации воли... В самосознании он, как чисто познающее начало, противостоит воле в качестве ее зрителя, и, хотя он произошел из нее, все-таки он познает в ней нечто от себя отличное, – познает вследствие этого только эмпирически, во времени, по частям, в ее последовательных возбуждениях и актах, – да и о решениях ее он узнает лишь апостериорно и часто весьма косвенным путем. Этим и объясняется, почему наше собственное существо представляет для нас, то есть для нашего интеллекта, загадку и почему индивидуум смотрит на себя как на нечто возникшее и преходящее, хотя его сущность сама по себе безвременная, то есть вечная»* [24, с. 417].

Из этого следует, что «субъект как носитель реальности» соотносится с «субъектом как активным наблюдателем» как сущность с явлением и что они, безусловно, несоизмеримы между собой, потому что «весь характер и склад бытия одного, со всеми основными законами этого бытия, для другой не значит ничего и даже меньше, чем ничего» [24, с. 415]. Однако это не означает, что смысл жизни конкретного человека полностью теряется. Что же остается после смерти личности (субъекта как активного наблюдателя), раз со смертью уничтожается и его интеллект? Ответ достаточно прост – остается накопленное

им личное бессознательное! Именно там отражается и *сохраняется весь накопленный опыт самости (души) за время жизни личности и, скорее всего, не только одной жизни.*

Если мы допускаем, что самость человека вневременна и формируется, в том числе, и из личного бессознательного, то логично предположить, что субъект как носитель реальности проживает не одну жизнь. Возможно, в других вселенных, на других планетах имеются другие условия и формы проявления того, что мы называем «жизнью» (я уже отмечал, что науке не известно, что такое жизнь), и там существуют такие формы экзистенции, о которых, как писал В. Янкелевич, мы не имеем ни малейшего представления: «Существование после смерти – это не обязательно *сверхжизнь*. Смерть, упразднив биоцентризм и эгоцентризм, доводит до конца слом многочисленных привычек, с такой легкостью навязанных нам «прогрессом сознания» и релятивистским опытом... Разрушая темницу, связывающую воедино соматическое и духовное существование в психосоматический симбиоз, смерть обнаруживает необоснованность и случайность «пленения» в теле и выявляет, если можно так выразиться, неожиданную инаковость: *реальность совершенно иного бытия – такова невероятная возможность, которую нам предоставляет смерть, начиная с того момента, когда психосоматическое единство перестает быть самим собой* (здесь и далее выделено мною. – Г. П.). В этом для нас великая надежда! *Смерть, удушая становление и уничтожая жизнь, не упраздняет в той же степени ни бытие этого становления, ни экзистенцию этой жизни»* [27, с. 380-381].

Таким образом, В. Янкелевич признает эвентуальность того, что жизнь в той форме, которая нам всем хорошо известна – «жизнь во плоти», может быть только неким частным случаем из множества других ее форм экзистенции, и смерть, «вырывая» нас из временного существования, характеризует собой не конец, а лишь завершение определенного этапа и начало новой вечной эры.

Таковы намеченные здесь контуры научной танатологии. Кстати говоря, поскольку самосознание (или самость человека) носит вневременной и внепространственный характер, именно оно и могло бы стать *предметом танатологии* как науки, тем более, что самосознание представлено и в субъектной реальности (в форме «субъекта как носителя реальности»), и в объек-

тивной действительности (в форме личности или «субъекта как активного наблюдателя»).

В заключение приведу замечательные слова В. Янкелевича, которые, на мой взгляд, должен помнить каждый исследователь: «Каждая эпоха вообще склонна абсолютизировать свое относительное незнание. До тех пор, пока наш собственный опыт не докажет нам обратного, мы объявляем, что неизвестное нам вообще никогда и ни при каких условиях не может стать известным» [27, с. 168].

Библиографический список

1. Бахтин Н. М. *Философия как живой опыт. Избранные статьи* [Текст] / составление, послесловие, комментарии С. Федякина. – М.: Лабиринт, 2008. – 240 с.
2. Бердяев, Н. А. *Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация* [Текст] / Н. А. Бердяев // *Дух и реальность*. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – 679 с.
3. Госвами, А. *Физика души. Квантовая книга жизни, умирания, перевоплощения и бессмертия* [Текст] / А. Госвами. – М.: Постум, 2013. – 352 с.
4. Грин, Б. *Ткань космоса: Пространство, время и текстура реальности* [Текст] / Брайан Грин. – Изд. 3-е. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. – 608 с.
5. Гроф, С. *Величайшее путешествие: сознание и тайна смерти* [Текст] / С. Гроф. – М.: Ганга, 2015. – 560 с.
6. Дойч Д. *Структура реальности: Наука параллельных вселенных* [Текст] / Дэвид Дойч; пер. с англ. – 3-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 430 с.
7. Доронин, С. И. *Квантовая магия* [Текст] / С. И. Доронин. – СПб.: ИГ «Весь», 2009. – 336 с.
8. Кюблер-Росс, Э. *Жизнь, смерть и жизнь после смерти. Что нам известно?* [Текст] / Э. Кюблер-Росс; пер. А. А. Горянина. – СПб.: Весь, 2012. – 96 с.
9. Менский, М. Б. *Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности)* [Текст] / М. Б. Менский; авторизованный пер. с англ. В. М. Ваксмана. – Фрязино: Век2, 2011. – 320 с.
10. Моуди, Р., Перри, П. *Проблески вечности: Абсолютно новые доказательства жизни после смерти* [Текст] / Р. Моуди, П. Перри; перев. с англ. – М.: ООО Издательство «София», 2011. – 256 с.
11. Ницше, Ф. *Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей* [Текст] / Ф. Ницше; пер. с нем. Е. Герцык и др. – М.: Культурная Революция, 2005. – 880 с.
12. Ньютон, М. *Жизнь между жизнями* [Текст] / М. Ньютон. – М.: Эксмо, 2012. – 320 с.
13. Пригожин, И., Стенгерс, И. *Время. Хаос. Квант: К решению парадокса времени* [Текст] / Илья Пригожин, Изабелла Стенгерс. – М.: Едиториал УРСС, 2014. – 240 с.

14. Прыгин, Г. С. *Неклассическая психология: психология субъектной реальности* [Текст]: монография / Г. С. Прыгин. – Наб. Челны: Изд-во НГПУ, 2018. – 268 с.

15. Прыгин, Г. С. *Сознание и время. Объективно ли субъективное время* [Текст] / Г. С. Прыгин // *Вестник Удмуртского Университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*. – 2019. – Т. 29. – № 2. – С. 177-188.

16. Уилбер К. *Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия* [Текст] / К. Уилбер; пер. с англ. под ред. А. Киселева. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. – 412, [4] с. – (Тексты трансперсональной психологии).

17. Фейфел, Г. *Смерть – релевантная переменная в психологии* [Текст] / Г. Фейфел // *Экзистенциальная психология* / пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. – М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 49-58.

18. Франк, С. Л. *Смысл жизни* [Текст] / С. Л. Франк. – М.: ООО Издательство АСТ, 2004. – 157 с. – URL: <https://e-libra.ru/read/85407-smysl-zhizni.html>

19. Франк, С. Л. *Реальность и человек* [Текст] / сост. П. В. Алексеев; прим. Р. К. Медведевой / С. Л. Франк. – М.: Республика, 1997. – 479 с.

20. Фрейд, З. *Мы и смерть* [Текст] / З. Фрейд // *Танатология – наука о смерти* / С. Рязанцев. – СПб.: Вост. – Европ. Институт Психоанализа, 1994. – с. 13-25.

21. Хайдеггер, М. *Бытие и время* [Текст] / Мартин Хайдеггер. – М.: Академический проект, 2015. – 460 с.

22. Шелдрейк Р. *Новая наука о жизни* [Текст] / Р. Шелдрейк; пер. с англ. Е. М. Егоровой. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 352 с.

23. Шеллинг, Ф. В. Й. *Ранние философские сочинения* [Текст] / пер. с нем., вступ. ст., коммент., примеч. И. Л. Фокин. – СПб.: Алетейя, Государственный Эрмитаж, 2000. – 464 с.

24. Шопенгауэр, А. *Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа* [Текст] / А. Шопенгауэр // *Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 2: Мир как воля и представление: Т. 2* / пер. с нем.; под ред. А. Чанышева. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2001. – С. 386-425

25. Шредингер, Э. *Что такое жизнь с точки зрения физики?* [Текст] / Э. Шредингер; пер. с англ. А. А. Малиновского. – М.: РИМИС, 2009. – 176 с.

26. Юнг, К. Г. *Дух и жизнь* [Текст]: сборник / К. Г. Юнг; пер. с нем. – М.: Практика, 1996. – 560 с.

27. Янкелевич, В. *Смерть* [Текст] / В. Янкелевич; пер. с фр. – М.: Изд-во Литературного института, 1999. – 448 с.

Reference List

1. Bahtin N. M. *Filosofija kak zhivoj opyt. Izbrannye stat'i = Philosophy as a living experience. Chosen Articles*

- [Tekst] / sostavlenie, posleslovie, komentarii S. Fedjakina. – M. : Labirint, 2008. – 240 s.
2. Berdjajev, N. A. Opyt jeshatologicheskoj metafiziki: Tvorchestvo i ob#ektivacija = Experience of eschatological metaphysics: Creativity and objectivity [Tekst] / N. A. Berdjajev // Duh i real'nost'. – M. : AST; Har'kov: Folio, 2006. – 679 s.
3. Gosvami, A. Fizika dushi. Kvantovaja kniga zhizni, umiraniya, perevoploshheniya i bessmertija = Soul physics. Quantum book of life, dying, transformation and immortality [Tekst] / A. Gosvami. – M. : Postum, 2013. – 352 s.
4. Grin, B. Tkan' kosmosa: Prostranstvo, vremja i tekstura real'nosti = Space fabric: Space, time and texture of reality [Tekst] / Brajan Grin. – Izd. 3-e. – M. : URSS: LENAND, 2015. – 608 s.
5. Grof, S. Velichajshee puteshestvie: soznanie i tajna smerti = The greatest journey: consciousness and mystery of death [Tekst] / S. Grof. – M. : Ganga, 2015. – 560 s.
6. Dojch D. Struktura real'nosti: Nauka parallel'nyh vseennyh = The structure of reality: Science of parallel Universes [Tekst] / Djevid Dojch ; per. s angl. – 3-e izd. – M. : Al'pina non-fikshn, 2018. – 430 s.
7. Doronin, S. I. Kvantovaja magija = Quantum magic [Tekst] / S. I. Doronin. – SPb. : IG «Ves'», 2009. – 336 s.
8. Kjubler-Ross, Je. Zhizn', smert' i zhizn' posle smerti. Chto nam izvestno? = Life, death and life after death. What do we know? [Tekst] / Je. Kjubler-Ross ; per. A. A. Gorjanina. – SPb. : Ves', 2012. – 96 s.
9. Menskij, M. B. Soznanie i kvantovaja mehanika: Zhizn' v parallel'nyh mirah (Chudesna soznanija – iz kvantovoj real'nosti) = Consciousness and quantum mechanics: Life in parallel worlds (Miracles of consciousness – from quantum reality) [Tekst] / M. B. Menskij ; avtorizovannyj per. s angl. V. M. Vaksmana. – Frjazino : Vek2, 2011. – 320 s.
10. Moudi, R., Perri, P. Problemski vechnosti: Absoljutno novye dokazatel'stva zhizni posle smerti = Glimmers of eternity: Absolutely new evidence of life after death [Tekst] / R. Moudi, P. Perri ; perev. s angl. – M. : OOO Izdatel'stvo «Sofija», 2011. – 256 s.
11. Nicshe, F. Volja k vlasti. Opyt pereocenki vseh cennostej = Will to power. Experience of reevaluating all values [Tekst] / F. Nicshe ; per. s nem. E. Gercyk i dr. – M. : Kul'turnaja Revoljucija, 2005. – 880 s.
12. N'juton, M. Zhizn' mezhdru zhiznjami = Life between lives [Tekst] / M. N'juton. – M. : Jeksmo, 2012. – 320 s.
13. Prigozhin, I., Stengers, I. Vremja. Haos. Kvant: K resheniju paradoksa vremeni = Time. Chaos. Quantum: To solve the time paradox [Tekst] / Il'ja Prigozhin, Izabela Stengers. – M. : Editorial URSS, 2014. – 240 s.
14. Prygin, G. S. Neklassicheskaja psihologija: psihologija sub#ektnoj real'nosti = Non-classical psychology: the psychology of subject reality [Tekst] : monografija / G. S. Prygin. – Nab. Chelny : Izd-vo NGPU, 2018. – 268 s.
15. Prygin, G. S. Soznanie i vremja. Ob#ektivno li sub#ektivnoe vremja = Consciousness and time. Whether subjective time is objective [Tekst] / G. S. Prygin // Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Serija Filosofija. Psihologija. Pedagogika. – 2019. – T. 29. – № 2. – S. 177-188.
16. Uilber K. Integral'naja psihologija: Soznanie, Duh, Psihologija, Terapija = Integral psychology: consciousness, spirit, psychology, therapy [Tekst] / K. Uilber ; per. s angl. pod red. A. Kiseleva. – M. : OOO «Izdatel'stvo AST» i dr., 2004. – 412, [4] s. – (Teksty transpersonal'noj psihologii).
17. Fejfel, G. Smert' – relevantnaja peremennaja v psihologii = Death is a relevant variable in psychology [Tekst] / G. Fejfel // Jekzistencial'naja psihologija / per. s angl. M. Znadvorova, Ju. Ovchinnikovoju. – M. : Aprel'-Press, Izd-vo JeKSMO-Press, 2001. – S. 49-58.
18. Frank, S. L. Smysl zhizni = Meaning of life [Tekst] / S. L. Frank. – M. : OOO Izdatel'stvo AST, 2004. – 157 s. – URL: <https://e-libra.ru/read/85407-smysl-zhizni.html>
19. Frank, S. L. Real'nost' i chelovek = Reality and person [Tekst] / sost. P. V. Alekseev ; prim. R. K. Medvedevoj / S. L. Frank. – M. : Respublika, 1997. – 479 s.
20. Frejd, Z. My i smert' = We and death [Tekst] / Z. Frejd // Tanatologija – nauka o smerti / S. Rjazancev. – SPb. : Vost-Evrop. Institut Psihoanaliza, 1994. – S. 13-25.
21. Hajdegger, M. Bytie i vremja = Life and time [Tekst] / Martin Hajdegger. – M. : Akademicheskij proekt, 2015. – 460 s.
22. Sheldrejk R. Novaja nauka o zhizni = New science of life [Tekst] / R. Sheldrejk ; per. s angl. E. M. Egorovoj. – M. : RIPOL klassik, 2005. – 352 s.
23. Shelling, F. V. J. Rannie filosofskie sochinenija = Early philosophical compositions [Tekst] / per. s nem., vstup. st., komment., primech. I. Ji. Fokin. – SPb. : Al'etejja, Gosudarstvennyj Jermitez, 2000. – 464 s.
24. Shopengaujer, A. Smert' i ee otoshenie k nerazrushimosti nashego sushhestva = Death and its relation to the indestructibility of our being [Tekst] / A. Shopengaujer // Sobranie sochinenij : v 6 t. – T. 2: Mir kak volja i predstavlenie: T. 2 / per. s nem. ; pod red. A. Chanysheva. – M. : TERRA – Knizhnyj klub; Respublika, 2001. – S. 386-425
25. Shredinger, Je. Chto takoe zhizn' s tochki zrenija fiziki? = What is life in terms of physics? [Tekst] / Je. Shredinger ; per. s angl. A. A. Malinovskogo. – M. : RIMIS, 2009. – 176 s
26. Jung, K. G. Duh i zhizn' = Spirit and life [Tekst] : sbornik / K. G. Jung ; per. s nem. – M. : Praktika, 1996. – 560 s.
27. Jankelevich, V. Smert' = Death [Tekst] / V. Jankelevich ; per. s fr. – M. : Izd-vo Literaturnogo instituta, 1999. – 448 s.